

ЕГОР КУЗЬМИЧ И РУССКИЙ ЯЗЫК, ПОСЛЕСЛОВИЕ К ОТСТАВКЕ

Эта статья была написана еще в декабре, да так в печать и не отдана. Что проку – политический прах Егора Кузьмича тревожить? Да и неприлично уж как-то – в наше одемократившееся в стельку время.*

И без того от взаимного ругательства и обвинительства нескладная наша жизнь наперекосок пошла... А тогда, в январе, в душе оставалось больше – усталого сожаления, что не понял Егор Кузьмич и вряд ли уже поймет когда-нибудь, чем, собственно, уязвлены сибиряки, почему так много шума поднялось в Сибири, когда стали известны подробности, как в годы томского его правления, были уничтожены братские могилы на месте Нарымского окротдела НКВД в Колпашеве, зачем на возбуждении уголовного дела настояли...

Оно же само, казалось, только разгон брало.

Но небывалое это дело о преступлениях большевизма против собственного народа и – преступном же – сокрытии их очень скоро оказалось надежно упрятано в утробе военной прокуратуры. Егор же Кузьмич не только не сложил с себя депутатских полномочий (как того требовали сибиряки), но, наоборот, вдруг ожил, с народом заладил встречаться, а в конце июня с трибуны Верховного Совета его старая боевая песня донеслась: о вреде частной собственности.

Что касается депутатов-демократов, то им оказалось не в тягость депутатствовать в одних палатах с человеком, против которого сибиряками выставлено обвинение в мерзейшем из грехов – мародерстве. Можно ли подобное допустить в отношении какого-нибудь Милюкова или Родзянки, не говоря уже о людях более достойных?

Впрочем, понимаю: свой кусок проглочен, дайте пережевать не спеша. Конечно, рот можно открыть и сказать нечто значительное – но лишь в том случае, если причитающийся за это кусок обещает быть жирнее, сочнее и больше...

Попытки Егора Кузьмича вернуться в политику могут вызвать лишь усмешку, но усмешкой, как костылем, не от всякой новости отмахнешься. 70% слушателей новосибирской школы КГБ, к примеру, проголосовало на президентских выборах за Жириновского (за того самого, которому мама-русская и папа-юрист при рождении забыли тормоза приладить). В свое время в этом заведении была выкована большая часть железных феликсов для нарымского НКВД... Может, и старые учебные фильмы на полке завалились – как ловчее стрелять в затылок?

Непротивление мерзости словом нашему народу дорого стоило в прошлом, дешевле обойдется ли – в будущем? Все-таки придется о «колпашевском деле» прилюдно говорить еще. А особо раздражительных читателей готов успокоить: вовсе не Егоре Кузьмиче – о русском языке пойдет речь.

январь 1991 г.

Итак, 20.11.90 бывший член политбюро ЦК КПСС был вызван в московскую городскую прокуратуру и дал следующие показания: «Первое сообщение об обнаружении захоронения на берегу реки Обь в городе Колпашево Томской области я получил в начале мая 1979 года от начальника Управления КГБ по Томской области Иванова К. М. Он сказал, что в связи с бурным паводком в Колпашеве стал обваливаться берег и <обнаружились> останки погибших, о чем

* в декабре 1990 г.

он проинформировал КГБ в Москве. Я спросил, известно ли, что это за захоронение. Иванов ответил, что никто ничего не знает, хотя очевидно, что речь идет не об обычном захоронении. Точнее, я сказал бы так: когда Иванов мне докладывал о случившемся, еще не было подробностей, которые могли бы свидетельствовать с несомненностью о том, что это захоронение людей репрессированных. Уже впоследствии, после завершения операции по ликвидации этого захоронения, Иванов говорил <мне>, что судя по всему там были захоронены люди, репрессированные в период гражданской войны, а также в период 37-х годов. Однако, по словам Иванова, никаких документальных свидетельств на этот счет обнаружить не удалось. И кто, и при каких обстоятельствах был захоронен в Колпашево, так и осталось неизвестно... После первого <же> сообщения я тут же позвонил в ЦК товарищу Суслову с тем, чтобы сообщить о случившемся. У меня все-таки после первой же информации Иванова сложилось ощущение, что это не рядовой случай. Суслов сказал мне, что ему уже звонили из КГБ и партийным комитетам вмешиваться в это дело не следует. Пусть всем этим занимается КГБ. В тот же день состоялся мой разговор с председателем КГБ Ю. В. Андроповым... Андропов сказал мне, что действительно этой проблемой будет заниматься Центр и местные органы КГБ. Хочу отметить, что ни обком КПСС, ни колпашевские партийные органы никакого участия в мероприятиях по ликвидации захоронения не принимали. По завершении этой «операции» Иванов доложил мне о ее итогах и больше к этому вопросу я не возвращался. Характерно, что никаких заявлений или жалоб в связи с этим событием, во всяком случае в обком партии, не поступало.

Отвечая на конкретные вопросы, могу сказать следующее: никаких решений о ликвидации захоронения я не принимал, а как уже сказал, этим занимались органы КГБ в Москве и на месте. Как все это происходило, я не знаю. Не знал я и как технически... осуществлялось уничтожение захоронения. Я узнал об этом только много лет спустя из газетных публикаций. Бортникова (*в то время – секретарь обкома партии. – В. З.*) или кого бы то ни было из работников аппарата обкома я не направлял в Колпашево в связи с обнаружением захоронения. В частности, с Бортниковым я даже не разговаривал никогда <об> этой проблеме...» (уголовное дело № 49, т. 2, листы 123 – 124)

В том же духе т. Лигачев высказался несколькими днями позже в «Комсомольской правде». Дословно: «ни партийные комитеты Колпашева, ни обком партии ни прямого, ни косвенного участия не принимали». А еще раньше бывшим первым секретарем колпашевского горкома партии В. Н. Шутовым заявлено в «Известиях» (22.10.90): «Был ли причастен к этому первый секретарь Томского обкома КПСС Е. Лигачев? Не знаю. Гражданские власти и коллективы, парторганизации не были задействованы». И прокурор томской области высказался подобным же образом: «Об участии Лигачева в руководстве «размывом» тоже ничего конкретного сказать не могу. Никто из опрошенных его фамилию не называл».

Здесь неправда на неправде сидит и неправдой погоняет. Судите сами.

Из материалов уголовного дела следует, что еще до 1979 г. *дважды*, в 1965-ом и 1968-ом годах, предпринимались попытки химического уничтожения захоронения. Бывший первый секретарь колпашевского горкома партии П. Е. Костырев свидетельствует о приезде в Колпашево двух работников КГБ: «Мне передали секретный пакет, на нем было пять печатей. Сотрудники сказали

мне, чтобы я вскрыл в их присутствии. Я вскрыл этот пакет, там было написано, как я помню: «Уважаемый Петр Евгеньевич Костырев!» В тексте было сказано, что необходимо провести работы, о которых расскажет приехавший товарищ из Центра. Этот товарищ из Центра мне рассказал, что в здании окружного ОГПУ–НКВД в свое время работала в 1937-ом «тройка» и после ее вынесения приговоров в этом же здании приводилась в исполнение высшая мера наказания – расстрел» (т. 2, л. д. 51–52).

А бывший сотрудник НКВД Б. Е. Меринов им и план захоронения начертил, и годы расстрелов точно назвал... (т. 1, л. д. 5–8)

Так что не было большого секрета в том, кто там захоронен.

Теперь слово А. И. Бортникову: «1 мая 1979 года я был на демонстрации, стоял на трибуне на площади Революции. Меня попросил после демонстрации зайти в областной комитет партии первый секретарь Лигачев Егор Кузьмич. Я где-то около часа дня пришел в областной комитет партии. В приемной попросил, чтобы доложили. Секретарь сообщил мне, что в кабинете Лигачева находится начальник Управления КГБ по Томской области Иванов Ким Михайлович. Когда я зашел в кабинет, Лигачев предложил мне 2 мая выехать в г. Колпашево вместе с Ивановым» (т. 2, л. д. 60–61). Там же были и другие секретари обкома – П. Я. Слезко*, Е. А. Вологдин, причем последний прибыл в Колпашево «для проверки жалобы в ЦК КПСС о фактах неправильного поведения руководителей города» (т. 2, л. д. 64).

Что обкомовские секретари там делали? В таежные дали всматривались? Так нет же, бывший начальник колпашевского ГОВД А. Н. Лепешкин свидетельствует, что «был приглашен к начальнику отделения УКГБ по Томской области Копейко В.Н... Там находился второй секретарь областного комитета партии Бортников и начальник КГБ по Томской области Иванов Ким Иванович. Бортников мне как начальнику милиции объяснил, что предстоит операция по размыву берега, где обнаружено захоронение. Мне Бортниковым дано было указание подготовить пять команд, <так как> могут поплыть трупы. Их нужно топить. Я поясняю, что не собирать и производить захоронение, а именно топить» (т. 2, л. д. 58–59).

Виктор Николаевич Шутов, тогдашний первый секретарь горкома партии, не в ладах с истиной. Да как это «гражданские власти и организации... не были задействованы»? А санэпидемстанция? а мальчишки геофизического СПТУ, которые оконтуривали могилы? а спасатели, которые топили трупы? и что, все эти взрослые люди (и дети – из СПТУ) по собственному почину взялись за дело? что-то вроде субботника устроили? а дежурство членов КПСС на берегу по разнарядке горкома?

А речники, наконец, которые и размывали буксирами яр?

К слову, задание на размыв берега В. П. Черепанов, капитан буксира ОТ-2010, получил по партийной линии, от партторга речпорта В. А. Иванова (т. 2, л. д. 189), а начальник службы движения параводства В. И. Дудинец лишь подтвердил, что ОТ-2010 поступает в распоряжение КГБ (т. 1, л. д. 77–81). Аренда теплохода, по свидетельству В. П. Черепанова, была оформлена колпашевским горисполкомом.

Из показаний Г. Н. Вострова, бывшего прокурора г. Колпашево: «Нам было

* Ныне П. Я. Слезко – заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС (но так следствием и не допрошен...)

дано устное указание прокурора области, что по обнаружению таких трупов осмотр места происшествия не производить и исследований никаких не проводить, а закапывать на месте обнаружения... После первого вызова в ГК КПСС нас с начальником ГОВД еще раз или два приглашали к первому секретарю горкома. Цель вызова была узнать настроение населения, так как все происходило перед 9 мая. Опасались, чтобы не сорвались торжества по случаю Дня Победы» (т. 2, л. д. 128–130).

Ну, уже если областной прокурор подобные распоряжения дает! И быть того не может — чтоб в обход первого человека области.

Да и не только трупы вымывались из яра, не только следы преступления скрывались.

Вымывались из людских душ угрызения совести, память об убитых, что и было наипервейшей, главной задачей. Затем и затеяна была кампания лжи, в которой т. Шутов проучаствовал самолично: собрал партактив, объявил погибших бандитами и дезертирами... Это тоже — «ни косвенного, ни прямого»?

К. М. Иванов, бывший начальник УКГБ по Томской области: «я прочитал в газете «Известия» от 23 ноября 1990 года в заметке «Не вскрыть, а скрыть» о том, что тогдашний первый секретарь колпашевского горкома партии Шутов В. якобы не имел особого отношения к данному случаю. Это неправда. Данная ситуация обсуждалась на собрании партхозактива. Все были в курсе событий» (т. 2, л. д. 117–119).

Правда, тот же Иванов утверждает, что в это время т. Лигачев был... в отпуске, а потому ничего не мог знать вообще, но эта ария из другой оперы. Ложные показания в ходе уголовного разбирательства наказуемы по ст. 181, 182 УК РСФСР. Иванов, человек с высшим *юридическим* образованием, должен это знать.

Желание отыскать какого-нибудь стрелочника-пенсионера, вроде Н. И. Петроченко, бывшего начальника отдела УКГБ по Томской области, или В. Н. Копейко, начальника колпашевского горотдела КГБ, понятно. Но они-то сами что говорят? Н. И. Петроченко: «эти вопросы оговаривались в областном комитете» (т. 1, л. д. 54–57). В. Н. Копейко: «В настоящее время мне известно, что по данному факту был хорошо осведомлен первый секретарь областного комитета партии Лигачев Егор Кузьмич. Он давал указания по осуществлению мероприятий по ликвидации захоронений» (т. 2, л. д. 65–67).

Неприятно мне эту словесную тяжбу вести.

Господи, как же это мелко, гадко, ненужно!

Усыхает суть дела до политической интрижки...

Да скажи вы правду, граждане начальники лагеря нашего социалистического, помоги вы добраться до истины, да разве нынешний счет вам предъявили?

Еще т. Лигачева процитирую по «Комсомольской правде»: «Те работы у берега Оби проводили в общем-то порядочные люди, наши люди». (Кстати, если б кто отказался, вы б того в 79-ом записали в «не наши», так?) Нет, Егор Кузьмич, очень разные люди оказались к этой истории причастны. Вы-то сидели в кабинете, белы рученьки как бы и не замарали. К трупам, чтобы пустить их на дно Оби, навешивали болванки другие — о которых вы смеете теперь судить, порядочные они или нет, «наши» или «не наши». Иные обо всем рассказали — как на духу. Например, Потекин Анатолий Николаевич, бывший начальник

спасательной станции. Да, топил трупы. Собственноручно. Но ему-то руку я всегда пожму. Знаю точно: у него душа и сегодня болит.

Прежде чем о порядочности судить — да человек ли вообще?
Если душа болит — значит, еще жива. И человек есть еще.

Так причем тут русский язык? И до этого сейчас дойдем.

Судя по всему, жизнь ваша, Егор Кузьмич, несмотря на уход на пенсию мало переменилась. Корреспондентка «Комсомольской правды» не по обычному городскому телефону звонила ему, а по «вертушке», помощнику (кстати — кто помощник? Не Геннадий ли Кузьмин — который как раз и звонил в сентябре 65-го года в Колпашево П. Е. Костареву с просьбой принять замначальника УКГБ В. М. Миклина и «человека из центра», когда впервые затевалось уничтожить могилы?)

Раз помощники еще не разбежались, то есть кому за прессой следить, должны были показать статью Игоря Аристово «Колпашево и русский язык». Статья эта шуму в Сибири наделала. Нефтянники Тюмени, люди оголодавшие и нетерпеливые, пригрозили перекрыть нефтепровод на Европу, если вы не сядете на скамью подсудимых. Даже томский обком КПСС не смог увернуться: с оговорками, но перепечатал ее из «Сибирской газеты». Комментировать, оправдывать тех, кто «отличился» в Колпашеве — нет возможности. А так — вроде бы прореагировали. Учили критику, что называется.

И «Народная трибуна», газета томского областного Совета, ее перепечатала. Жаль только, что многие читатели мысленно заглавие переименовали: «Колпашево и Егор Кузьмич». Не поняли: причем тут русский язык?.. Что ж, можно разжевать и до жидкой кашицы.

Не вы были главной фигурой в той статье.

На первом месте была мысль, что мы — расчеловечены.

Гибель культуры — это истребление в человеке собственно человеческого. Умирает культура — умирают ценности, выражающие ее сущность. Умирают ценностные категории — умирают слова, которые способны их передать. И умирает язык, на котором культура говорила... А общество начинает говорить на новом, деревянном языке, пригодном лишь для сколачивания гробов, в которые складываются ценности иных эпох.

И подобно тому, как тяжело больной человек далеко не всегда осознает, что умирает, так не осознает своей смерти народ, который без культурной первоосновы существовать не может.

Все прочее уже следствие: души людские деревенеют, совесть не желает жить в деревянных душах, уходит, оставляя на месте человека пустой телесный скворечник. А среди людей, из которых ушла совесть, жить страшно...

«Я знал об обрушившемся могильнике», — это ваши слова, Егор Кузьмич, и сказаны они в том же кратком телефонном разговоре с корреспондентом «Комсомольской правды».

А всего вы трижды успели повторили это слово: могильник, могильник, могильник...

Словно гвоздь вколачивали.

Вот, значит, как...

В протоколе допроса вы, Егор Кузьмич, родным языком назвали русский.

«Могильник» по-русски означает «древнее кладбище».

Значит — другая, реликтовая эпоха. Нечто из области археологических изысканий. Предмет для научных исследований.

Помилуйте, да как же это — древнее?

Среди погибших были люди и помоложе вас, Егор Кузьмич, кого угораздило попасть во враги народа в детском еще возрасте. Вы-то как — реликтом себя считаете? Или, думаете, с вами согласятся те, у которых на яру лежали их отцы, матери, братья, сестры, мужья? Например, харьковчанин В. П. Бримемберг, приехавший в Колпашево издалека, чтобы поставить крест на *бывшей* могиле своего отца:

БРИМЕМБЕРГ ПЕТР ХРИСТОФОРОВИЧ

убит НКВД 22.05.38

утоплен КГБ в мае 1979 года

Тут-то мы и подошли к сути.

Что нам до людских этих останков? чем считать их? могилой ли отцов и дедов наших, у которых есть свои имена, свои судьбы, или чем-то вроде кладбища доисторических мамонтов, археологическими *проявлениями* другой исторической эпохи, которая нас *не касается*? принимать ли это массовое зверство *нам во благо* или усомниться в том, что оправдывает оно сегодняшней кусок вонючей колбасы, бутылку водки по талону, бессмысленную работу за того парня, который в Кремле (и за вас, Егор Кузьмич), и уверенность, что день завтрашний будет точно таким же?

Так для нас, простых смертных, стоит вопрос.

Из людей сделать красных, белых, зеленых нетрудно.

Труднее из красных, белых, зеленых сделать людей.

Гражданские войны быстро не заканчиваются, а три четверти века — это для истории сущая малость. Это только по партийным «историям СССР» она завершилась в 1922 г. Раны зарубцевались, однако ноют и по нынешний день.

А присталинское душегубство — еще ближе.

У вас же — гордость за мясницкую удаль буденных.

Не я вам судья. И все-таки напоследок: есть еще время найти другие слова о Колпашеве. Когда-то русский язык был так богат...

Нет, не о политической интрижке идет речь.

Па-а-али-ти-ка...

Какое, однако, сладкое, важно-церемонное, благообразное, благозвучное, сладкой медовухе подобное слово.

А можно и сманерничать, по-французски сложить губки бантиком: по-ли-тйк.

Слышите? Совсем гладко выходит, как бы с целоваанием, почти как «политес», ножкой шаркнуть хочется...

От медовухи этой с утра голова трещит. Смутная догадка брезжит в похмельном газетном чаду: да уж не сам ли сатанизм явлен в мир под приятной этой личиной?

А на самом деле — раздор.

В нагом виде — озлобление.

В подлинном своем обличье — озверение, которое интеллигентно бабуриной бородкой трясет, а на деле страшнее всего того, что творимо в отвратительном нашем безземельном колхозном быту что, самогоном по уши залит.

С изнанки — осатанелость. Но не та которая снаружи, на людях, а которая внутри, тайная, — и потому удержу не знающая.

Одна надежда: подыскать всему *этому*, что за окном беснуется верное название, слово найти, окрестить словом, А иначе — осатанеем в конец, сгинем всем миром в осатанелости, спалим и себя, и детей наших в ненависти и злобе, хотя бы у той хорошо поставленный баритон был.

Политика и русский язык — такое вот распутье в уме...

И уж прости, читатель, что так трудно и неумело в горелом лесу дорогу ищу...

И не могу не сказать слов благодарности Александру Исаевичу.

Господь сотворил человека «по образу и подобию Своему» — творцом. Значит — способного из небытия бытие творить.

Солженицын понятнее и ближе станет, если мысль о главном его этом предназначение во главе угла окажется.

Понятнее и ближе станет — язык его.

Вовсе не политический он автор — как многим удобнее считать. XX век, трагический век России, его лепил и тяжкий крест положил на плечи — из небытия человеческую сущность возродить. «Архипелаг ГУЛАГ» — это книга про всех нас. Она не могла быть не написана, иначе — с чем народу жить дальше?

А после «Архипелага ГУЛАГ» прежним языком говорить не получится. Хотелось бы антонов палычей... ан нет, не увидите их в свальном депутатском грехе, разве что бабуриных разглядите.

И о *прежнем* говорить невозможно.

После «ГУЛАГА» — о чем язык сказать повернется?!

Среди гари народного самосожжения — что живого отыщется?

Мне только о Колпашеве выпало узнать — и то дар речи потерял.

Единственное — заново душе народиться, новым языком заговорить, но из того же корня подняться. Глядишь — что и зазеленеет правнукам на радость. Разве мало? А куда народу торопиться?

Литературные говнюки Солженицына в упрек ставят, что он против всех их говнюковых филологических наук через горельник напрямую идет, просеку за собой оставляет. «Это не литература! это *уже* не литература!» Тут им можно посочувствовать. Они так картонные каноны оберегают, потому что им с оголенными розовыми литераторскими окорочками через бурелом не пройти, не то что оцарапаешься — кожу на сучьях российского беспредела оставишь.

Язык у Александра Исаевича коряв? Да вы, братцы, на лес за деревом гляньте. Это вам не филология оранжерейная.

Это, братцы, явление природы...

Так и относитесь — как к явлению природы.

Просто народ еще не умер. От пережитого горя, страха, от пережитой боли у него в горле ком стоит. Голова угорела — от лениных, сталиных, брежневых, собчаков, бабуриных. Но он еще пойдет на поправку, преодолеет онемение — и заговорит. Ясным и внятнм русским языком.

...мне по-человечески очень жаль внуков и правнуков бывшего председателя колпашевского горисполкома В. Г. Молькина, сказавшего в 1979 г. о той братской могиле: «И вообще, вы видели, что там люди? Может, там скот, скотомогильник?» (*цитирую по обстоятельному исследованию колпашевских событий В. Г. Фаста в «Летописи террора», вып. 2, Томск, 1990. – В. 3.*). Потомкам т. Молькина до седьмого колена еще припомнится тот «скотомогильник».

И здесь из того же ряда словечко.

декабрь 1990 г.